

РЕЦЕНЗИИ

**«НЕЛАСКОВАЯ ЛАСТОЧКА» ИЛЬИ ФАЛИКОВА
СРЕДИ КНИГ О ПОЭТЕ МЦ**

Илья Фаликов. Марина Цветаева. Твоя неласковая ласточка. М.: Молодая гвардия, 2017. 854 с.

В известной биографической серии ЖЗЛ, где писатели повествуют о жизнях и творчестве замечательных людей, 1807-м выпуском появилась большая, 850-страничная книга Ильи Фаликова под поэтичным и легкокрылым названием: «Марина Цветаева. Твоя неласковая ласточка». Ласточка залетела на титульный лист книги из «Черновых тетрадей» Марины Ивановны, к которым и далее биограф обращается, сверяясь с эмоциональными «волнами» жизни своей героини, поэта, оставившего свой заметный, мерцающий во времени след.

Книге предпослано на отдельной странице посвящение, причем оно — более чем выразительное — звучит так: «Наталье Аришиной, соавтору этой книги». Илья Фаликов на презентации, которая прошла в Центральной библиотеке им. Н. А. Некрасова в Москве, назвал свою супругу «Мой научно-исследовательский институт», это означало, что именно она, Наталья Сергеевна, выбирала, изыскивала материал из писем, дневниковой и художественной прозы, поэзии Марины Цветаевой, чтобы потом совместно с Ильей Зиновьевичем этот разноголосый материал организовать, придать ему концептуальное, смысловое направление.

Книгу о М. Цветаевой создавали два поэта. Ведь Наталья Аришина, как и Илья Фаликов, талантливый поэт, обладающий тонким и порою резким пером, автор семи поэтических книг. И сам Илья Фаликов писал эту книгу, именно «прозревая» в творчестве Цветаевой, как поэт, понимая ее поэтически, по-своему...

До «Неласковой ласточки» он издал в 2015 году, в малой серии ЖЗЛ, книгу о поэте Борисе Рыжем с подзаголовком «Дивий камень», а за год до того, в 2014-м — в серии «ЖЗЛ: Биография продолжается...», — книгу «Евтушенко. Love story».

...Цветаева у Фаликова предстает на фоне времени и своего дальнего и ближнего окружения, и окружение это встает из небытия живыми лицами, поступками, впечатлениями, оценками. Все это очень живое, вот что главное в книге. Полагаю, именно «жизненность» писательско-биографической манеры поэта Ильи Фаликова помогла убедить читателей, что провидение на сей раз «поручило» жизнь и поэтическое наследие Марины Ивановны «в надежные руки» — как могла бы сказать сама Цветаева.

Получилось поэтико-биографическое исследование. В книге иной раз прямо сквозит поэтичность, выдающая автора-поэта. Вслушайтесь в такое предложение: «Издательство „Костры“ скоро потухнет, став пеплом и золой, но цветаевскую книжку успеет выпустить вторым изданием» (с. 277).

И анализ творчества М. Цветаевой исследуется теоретико-поэтически. Вот какой вывод делается из сравнения словесных «портретов» барона Врангеля у Маяковского и у Цветаевой: «МЦ правильно говорила о левизне своей формы. Оба портрета — чуть не одной кисти, одной школы и выучки, с особенкой цветаевской напевности. Здесь рядом и Пастернак. Это модернисты десятых — двадцатых годов, недалеко отстоявшие и от французского, например, соседства — в частности, Гийома Аполлинера, не раньше, впрочем, Хлебникова отказавшегося от пунктуации» (с. 603).

Благодаря именно сердечному, пусть сдержанному, без восторгов, вниманию Ильи Фаликова к своей героине, он избег учительственного, поучающего тона, в который, бывало, впадали в 1980-е годы маститые литературоведы в отношении М. Цветаевой.

С 1980-х годов выходили книги А. Саакянц о Марине Цветаевой, которые потом фактически «объединились» в один объемный том, который стал подробнейшим биографо-литературоведческим, основательным трудом, названным «Марина Цветаева. Жизнь и творчество» (1999). Эта уже весьма большая книга вышла приложением к семитомному собранию сочинений Марины Цветаевой. Нечто подобное произошло с книгами крупнейшего питерского исследователя, известного цветаевода Ирмы Кудровой. Она издавала книги, отражающие конкретный период, то есть тот или иной этап биографии Марины Цветаевой, такие, как: «Версты, дали... М. Цветаева 1922—1939» (1991); «После России. Марина Цветаева. Годы чужбины» (1997), тематически завершающую — «Гибель Марины Цветаевой» (1997). Потом был объемный «Путь комет: Жизнь Марины Цветаевой» (2002) и, наконец, солидное и уважаемое издательство АСТ издало книгу Ирмы Кудровой «Марина Цветаева: беззаконная комета» (2016).

Однако задолго до Саакянц и до Кудровой появилась полная и основательная биография: «Марина Цветаева. Миф и действительность», зарубежный автор которой — графиня Мария Разумовская. Книга вышла в 1981 году на немецком языке, в 1983 году выпущен был русский перевод. В одном из своих интервью М. Разумовская сказала: «Марина Цветаева — великий поэт. Вообще я случайно наткнулась на ее творчество, хотя сорок лет работала в национальной библиотеке в Вене и отвечала за русскую литературу, но Цветаеву открыла в достаточно зрелом возрасте, когда мои родственники прислали мне из России ее самиздатовский сборник... Это было в конце 1960-х — в начале 1970-х годов, когда и на Западе, и в России вышли воспоминания, переписка, сборники произведений поэтессы. Я тоже решила представить свою версию жизни, творчества и гибели Марины Цветаевой. Я считаю ее одиночкой, индивидуалисткой в положительном смысле, ее нельзя сравнивать ни с кем...» Книга Разумовской аналитичная, снабженная полными текстами стихотворений поэта, не потеряла значения до сих пор, несмотря на то, что в первых изданиях были неточности, позже исправленные в русском переводе, вышедшем уже в Москве в издательстве «Радуга» (1994).

А еще более ранней попыткой приближения к жизни и творениям М. Цветаевой была книга американского исследователя Саймона Карлинского «Марина Цветаева: ее жизнь и творчество» (1966). Многие положения и утверждения этой монографии сегодня выглядят неверными и наивными, но надо учитывать, что тогда творчество поэта фактически не было исследовано. Русский перевод книги Карлинского вышел с критическими комментариями только в 2015 году...

Особняком стоит книга Виктории Швейцер «Быт и бытие Марины Цветаевой», первое издание ее в «Синтаксисе» на Западе, в Париже, датируется 1988 годом. Потом она была выпущена и в Москве, в серии ЖЗЛ. Об этой книге Анастасия Ивановна Цветаева писала: «Да, к сожалению, нередки у В. Швейцер — „домыслы“. Свое размышление она подает в столь утверждающем тоне, что у читателя может остаться впечатление, что дело идет о факте. И происходят ошибки...» В то же время она была признательна В. Швейцер: «Такой труд заслуживает благодарности и уважения. Страницу за страницей, год за годом прослеживает Виктория Швейцер, воссоздавая юность, зрелость, последний период, конец... Читатель входит глубоко в сложный ряд тем бытия и быта, подтверждая замысел и название книги. Но думаю, что почти невозможно написать столь сложное исследование, нигде не ошибаясь». Особенно ценна у Виктории Швейцер та часть ее исследования, где она соотносит судьбу Поэта

с дневниками матери, М. А. Мейн-Цветаевой, и глубоко анализирует психологические мотивации ее судьбы, значимые подробности ее недолгой жизни.

Как и в случае с Викторией Швейцер, с Анной Саакянц, так и с Ирмой Кудровой, Анастасия Ивановна старалась высказаться по поводу того, что литературные критики и цветаеведы пишут о сестре. Написала, например, критический разбор «Корни и плоды» по поводу статьи «Листья и корни» Иры Кудровой («Звезда», 1976, № 4) и «Размышления над книгой Анны Саакянц „Марина Цветаева“».

В больших «Воспоминаниях» Анастасии Цветаевой немало страниц посвящено старшей сестре, Марине Цветаевой, и их ближнему родственному и дружескому кругу. В предисловии к полному тексту «Воспоминаний» она писала: «Мои воспоминания — это семейная хроника. В моей памяти равное место занимают все мои близкие — мать, отец, моя сестра Марина и все, кто пришли позднее. Но душевная, кровная и возрастная близость к Марине часто выдвигает ее вперед на этих страницах. Все впечатления моего детства и юности связаны с ней» (А. Ц. «Воспоминания», в 2 т. Т. 1, с. 18). В подходе к воссозданию образа Марины Цветаевой она не всегда «совпала» со своею племянницей, дочерью Марины Цветаевой, Ариадной Сергеевной Эфрон. Та до своего отъезда в СССР из Франции резко разошлась с матерью. Стала коммунистически настроенной. Участвовала в делах отца, сотрудничавшего во Франции с иностранным отделом НКВД. В 1955 году, обращаясь к помощнику Главного военного прокурора в связи с реабилитацией отца, она писала о «нашей работе за границей». А потом, уже сама пройдя сталинские тюрьмы и лагеря, Ариадна Сергеевна стала ревниво относиться к памяти матери, публиковать совместно с Анной Саакянц ее поэтическое и прозаическое наследие.

Ариадна Сергеевна написала в письме к Анастасии Ивановне 8 апреля 1959 года, еще до всех осуществленных и неосуществленных публикаций: «Относительно Ваших воспоминаний: только из Вашего последнего письма я узнала о том, что это вовсе не воспоминания о маме, а мемуары — тогда, конечно, мои „претензии“ отпадают — о чем же тогда, действительно, спорить?..» Ранее А. Эфрон сам факт написания мемуаров тетей, сестрой матери, горячо приветствовала (вспомним о том, что А. Цветаева была еще до революции писателем, автором двух автобиографических по характеру книг)... Есть и еще письмо А. С. Эфрон, касающееся «Воспоминаний» Анастасии Ивановны, 5 октября 1958 года. Вот извлечение из него: «Милая Асенька, еще добавление: переписываю, каждый день понемногу, Ваши воспоминания. Они очень хороши, талантливы, своеобразны. Их своеобразие, как говорят знатоки и ценители, которым я даю их почитать — сродни маминому и пастернаковскому. Для меня это — клад, воскрешение маминых, а через нее и моих собственных — истоков...»

Но возвратимся к наиболее крупным исследователям жизни и наследия М. Цветаевой, не относящихся к ее семье. Тут нельзя не назвать книгу американской писательницы Лили Фейлор «Марина Цветаева», в России издана в 1998 году. Эту книгу, выдержанную в психоаналитическом ключе, Барбара Хелдт метко назвала «*психобиографией*». И это правда. Только и у Л. Фейлор наряду с психологическими прозрениями можно встретить явно ошибочные высказывания, например: «Лето 1916 года Цветаева провела с дочерью, Асиным сыном и их няней на даче у сестры неподалеку от Александра, родной деревни отца». Дача в реальности была городским домом в Александрове, откуда еще Иван Грозный правил Русью, и это была некогда столица Московского царства, а не деревня. Почему отца? Да потому, что деревенька Ново-Талицы находится в той же Владимирской губернии, где и древняя Александровская Слобода. Из владимирского священнического рода происходил отец сестер Марины, Анастасии и самой старшей, Валерии, — филолог и искусствовед И. В. Цветаев... Сразу веришь,

что перед нами ученица Симона Карлинского, также нечуждого подобных фактографических ошибок. Фамилия писательницы Фейлюр в буквальном переводе ее *звучания* с английского — failure — звучит как «провал, ошибка», однако книга ее о Марине Цветаевой все же *провалом совсем не является*, она отнюдь не лишена озарений, находок, оригинального взгляда на стихи и биографические подробности трагической и ранимой жизни Поэта...

А уж где действительно — «всякое лыко в строку», так это в книге парижской крупной славистки-цветаеведа Вероники Лосской «Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников» (1989). Автор просто, без разбора, под одну обложку собрала — цитатами — достоверные и недостоверные слухи о Марине Цветаевой. Даря эту книгу автору этих строк, А. И. Цветаева на ней написала: «Дорогому Стасику, сплетни о моей сестре. Пасха 1993 г.»...

Широта творчества Марины Ивановны наиболее полно теоретически отражена в исследовании академика Вячеслава Всеволодовича Иванова, который выделил семь основных стилистических направлений, «семь Марин Цветаевых». Анастасия Ивановна говорила, что считает Кому — так друзья и родные называют детским прозвищем Вячеслава Всеволодовича — гениальным. Недавно он навсегда покинул нас, и мое письмо к нему с вопросом — где же была опубликована (и была ли?) авторизованная машинопись, которую я читал у Анастасии Ивановны, — осталось без ответа...

Анастасия Ивановна отстаивала неподверженность сестры ничьим литературным влияниям. Особенно не согласна она с мнением Викторией Швейцер, которая утверждала, что на М. Цветаеву оказал влияние О. Э. Мандельштам.

«У Виктории Швейцер: Без Мандельштама ее (Марины) рост не был бы так стремителен, не устремлялся бы внутрь, в душевные глубины. В этом она глубоко ошибается, не учитывая Маринину поразительную безграничность ума и таланта и ее полную неспособность подвергаться какому-либо влиянию на всю жизнь...» — так написала А. И. Цветаева («Независимая газета», 1991, № 59, 21 мая, с. 7).

С нашей же точки зрения, *духовное влияние* и на М. Цветаеву, и на Б. Пастернака (в меньшей степени на А. Блока) оказал только Р.-М. Рильке, о котором Марина Ивановна в письме (9 мая 1926 г.) напишет: «Вы — воплощенная пятая стихия: сама поэзия, или (еще не все) Вы — то, из чего рождается поэзия и что больше ее самой — Вас...» Такого она не написала бы ни одному из смертных, а только Рильке, *причисленность* коего к лику «бессмертных» она чутко осознавала.

(Что касается влияния Рильке на А. Блока, то в пояснение скажем, что в своей записной книжке за 1906 год поэт упоминает о книге «RMR Das Buch der Bilder», то есть о «Книге образов» Рильке. К тому же литературовед С. А. Небольсин в статье «Об одном событии в лирике А. Блока» указывал на возможное родство стихотворения Рильке «Der Schutzengel» и блоковского «Ангела-Хранителя»... См. в кн. «Революция 1905—1907 годов и литература» — М., «Наука», 1978, с. 101 и далее.)

В книге И. Фаликова говорится еще о двух гипотетических, возможных стилистических «соприкосновениях» творчества Марины Цветаевой с современниками. В «...Твоей неласковой ласточке» говорится о том, что «бредовый стих Чурилина» если не подвинул, то подсказал МЦ дорогу в сторону неправильного, «небрежного стиха». Именно в 1916-м МЦ окончательно вышла на новую ритмику-метрику вплоть до пунктуации: «Тире и курсив, — вот единственные, в печати, передатчики интонаций» (с. 134). Но почему бы тогда не обратить внимания и на более ранние, легкие, скользящие влияния — на сходные черты пунктуации у В. В. Розанова, исповедальными, интимными текстами которого сестры увлекались?.. Да, у него также было, хо-

тя и скромнее выраженное, «летающее» тире, он и дружески, и эпистолярно, письмами влиял на Анастасию Цветаеву, писала ему и Марина...

Все-таки необходимо учитывать, что стилистика модернизма тогда витала в воздухе, И. Фаликов говорит и об этом: «Срабатывал хлебниковский принцип гениального черновика» (с. 135).

И его правоту мало кто сможет оспорить, когда идет речь о другом знакомце М. Цветаевой — о К. Бальмонте: «На утре своих поэтических дней МЦ, несомненно, училась у него мелодичности стиха и строфопостроению («Бальмонту подражала 14-ти лет»)» (с. 137).

Илья Фаликов, привлекая в «широкое информационное поле» своей книги дружеские либо критические высказывания ее современников-писателей, делает доброе и полезное дело для читателей, которые никогда не полезут в отдаленные закрома специальных библиотек и архивов, где хранятся давние рецензии на творчество МЦ. А писатель-биограф, которому нужно создать представление об основных чертах Цветаевой-поэта, приводит порой полузабытые, но очень емкие высказывания, убедительные, многое нам говорящие!.. Чего стоит, например, тонкое свидетельство Андрея Белого, который писал о МЦ: «В чем же сила? В порывистом жесте, в порыве. Стихотворения „Разлуки“ — порыв от разлуки. Порыв изумителен жестикуляционной пластичностью, переходящей в мелодику целого...» (с. 302). Да, Фаликов дает творчество Цветаевой и глазами современной ей литературной критики, порой сочувствующей, порой резко ее отвергающей.

При именовании Марины Цветаевой Илья Зиновьевич пользуется инициалами Поэта — МЦ. Это обоснованно. Она и сама так подписывалась, и так ее в своем дневнике именует сын, Георгий Эфрон.

В новой книге мир пристально смотрит на МЦ, но еще более пристально сама МЦ смотрит на мир, ее окруживший. Мы видим, как в ней то дремлет, то просыпается лирическая героиня ее стихов либо мать своих детей, то собеседник по переписке Анны Тесковой или Ариадны Берг, то наблюдательный и пристрастный, склонный к самоанализу созерцатель жизни, то путешественник, которого везут мимо Европы на корабле, который взял курс на ее негостеприимную родину...

В книге немало жизненно выпуклых сцен, они выгодно оттеняют выводы и рассуждения. Так и должно быть в книге историко-биографического жанра. Мы без розовых очков и ложной героики видим и фатальное одиночество поэта, и крайний индивидуализм, и презрительное «не снисхожу» в гордые минуты, и «невстречу» с полубезумным от депрессии поэтом Борисом Пастернаком, и теряющего себя от белой горячки и своей творческой переполненности, вечно влюбленного К. Бальмонта... Видим и ее напряженные взаимоотношения с сестрами мужа, С. Эфрона, видим ее предотъездный разрыв с дочерью Ариадной, видим, как постепенно отдалается от нее сын-подросток Мур-Георгий...

Взгляд на героиню со стороны сменяется голосом Цветаевой, мы плывем по водам прилива документально-биографической прозы, длящейся в увлекательном континууме повествования. Это повествование постепенно создает цельность насыщенного и, конечно, неизбежно разнородного текста.

Если говорить о частных моментах, содержащихся в книге, то один момент особенно привлекает внимание: «Асе не пришлось по вкусу „Поэма воздуха“, она — выслушав — просто не поняла ее, и МЦ в объяснение сочинения напустила туману: „Знаешь, я попыталась описать, что бывает со мной, когда я после черного кофе — засыпаю... Точно куда-то лечу, — это еще не сон, — трудно объяснить словами...“» (с. 544).

У автора этих строк из бесед с Анастасией Ивановной о словах ее сестры о той поэме сложилось иное впечатление: как раз у Анастасии Ивановны было вполне опре-

деленное понимание смысла текста сквозь все туманы. Она мне говорила: «Там Марина описывает состояние, когда она поднимается в наиболее высокий слой *астрала* (то есть чувственного мира), но далее стучается головой о *ментал* (о сферу чистой мысли)...» Так что младшая Цветаева понимала поэму мистически и по-своему... Впрочем, заметим, что в книге сказано о первом впечатлении от поэмы, наш же с Анастасией Ивановной разговор состоялся годы и годы спустя.

Особенно ценно и важно то, что автор И. Фаликов дает и свой взгляд на крупные, основные с его точки зрения, поэтические, прозаические и драматургические произведения Марины Цветаевой. Он пристально всматривается в них. И стихи Цветаевой становятся яркими узелками на ткани биографии поэта.

Благодаря автору мы видим, как в плане жизни души для МЦ был важен и глубинно пережит диалог с ее корреспондентами: Пастернаком, Гронским, Штейгером, Вишняком. Как она была одинока и как душа ее была обуреваема жадной живого отклика: «*Наконец-то встретила / Надобного — мне: / У кого-то смертная / Надоба — во мне*». Этой «надобой» она и жила. Когда стала никому, в том числе и сыну Георгию, не нужна, а те, кому могла быть тогда нужна — сестра Ася, муж Сергей, дочь Ариадна, — были уже за колючей проволокой, вот тогда и свершилось непоправимое: она своей рукой оборвала нить собственной скитальческой жизни...

И. Фаликов показывает, как личность поэта ценна для мира. Ценна эмоциональная природа Личности, она не менее драгоценна, чем фактография, чем интересные подробности, связи, имена... Событийный план у Фаликова тоже явлен достоверно. Пунктирно даны и исторический, и эпохально-событийный слои жизни. Нельзя сказать, что образ и лик поэта поданы вне эпохи, путь МЦ проявляется на конкретном, прописанном отдельными штрихами фоне эмоционально окрашенных, заповедных поэту подробностей и примет.

Книга Ильи Фаликова обогатила мировое цветаеведение опытом биографии, в которой естественно встретились правда о жизни поэта с вдумчивым, документально подтвержденным анализом, идущим по следам своевольной, трагической и обреченной судьбы Марины Цветаевой.

Станислав АЙДИНЯН